

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Н. КУФЛЕВОЙ «ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» (М., 2025. 352 с.)

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье представлен анализ монографической работы В. Н. Куфлевой «Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования». Дана положительная оценка основным выводам исследования. Автор рецензии приходит к выводу о том, что монография представляет собой глубокое и комплексное исследование, претендующее на статус целостной теории, которая вносит существенный вклад в развитие теории отечественного уголовного права.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, субъект преступления, субъект уголовно-правового воздействия, лицо, подлежащее уголовной ответственности, В. Н. Куфлева.

REVIEW OF V. N. KUFLEVA'S MONOGRAPH "THE PERSON WHO COMMITTED A CRIME AND PROBLEMS OF THE THEORY OF CRIMINAL-LAW REGULATION" (MOSCOW, 2025. 352 P.)

N. V. Tydykova

Altai State University (Barnaul, Russia)

This article presents an analysis of V. N. Kufleva's monograph "The Person Who Committed a Crime and Problems of the Theory of Criminal-Law Regulation." A positive assessment is given to the study's main findings. The reviewer concludes that the monograph represents a profound and comprehensive study, laying claim to being a holistic theory that makes a significant contribution to the development of Russian criminal law theory.

Keywords: person who committed a crime, subject of a crime, subject of criminal-law influence, person subject to criminal liability, V. N. Kufleva.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)1.25](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.25)

Тематика, связанная с лицами, совершившими преступления, всегда была в центре внимания исследователей. Однако научные поиски, как правило, осуществлялись в рамках традиционных рамок, очерченных принятыми в уголовном праве признаками субъекта преступления: возраста, вменяемости, принадлежности к категории физических лиц. Этим и определялась полемика, развернувшаяся в научных дискуссиях: поиск оптимального и обоснованного современными реалиями

возраста уголовной ответственности, критерии вменяемости лица и уголовно-правовые последствия признания лица невменяемым, дилемма признания или непризнания субъектом преступления юридического лица, квалификационное значение специального субъекта в некоторых преступлениях. В последние годы развитие технологий поставило перед исследователями проблему определения статуса искусственного интеллекта и решения вопроса о том, является ли он лишь инструментом в руках человека или же претендует на признание самостоятельной единицей с вытекающим из этого решения признанием его правосубъектности и возможности нести ответственность. Уголовно-правовые изыскания в рамках представленной тематики чаще всего затрагивали какой-то конкретный аспект, интересный исследователю. Нельзя не отметить и разрозненность уголовно-правовых и криминологических исследований в этой сфере, как, впрочем, и во многих других. Термин «лицо, совершившее преступление» используется преимущественно криминологией, которая исследует его с позиции целей этой науки. Однако монографическая работа В. Н. Куфлевой [1] доказывает недальновидность такого подхода. Автор разумно называет в качестве самостоятельной категорию «субъект уголовно-правового воздействия», под которым предлагает понимать всех, к кому обращены требования уголовно-правовых норм, вне зависимости от способности к осознанно-волевой регуляции поведения, а отмечая, что поскольку уголовно-правовые отношения могут возникать только в связи с совершением преступления, круг субъектов уголовно-правового отношения ограничивает только лицами, способными к виновному вменению и ответственности. Это позволило сделать вывод о том, что лицо, подлежащее уголовной ответственности — это самостоятельный статус лица, совершившего преступление, отражающий определенный этап в развитии уголовно-правового отношения. Подобный подход справедливо расширяет поле необходимых уголовно-правовых исследований. При этом границы этого поля достаточно точно очерчены. Автор определяет соотношение терминов «личность», «человек», «лицо», отмечая, что наименее удачным является «личность», так как он наполнен социальным и психологическим содержанием, которое не имеет значения для решения вопроса о возможности выступать в качестве субъекта права. Обозначая, что между терминами «человек» и «лицо» нет принципиальных отличий, автор, допуская возможность включения в круг субъектов уголовного права и иных правовых образований (главным образом юридических лиц), дальновидно предлагает использовать термин «лицо», что оставляет больше возможностей для маневра и развития самой отрасли уголовного права. Не упускает эту возможность и сам автор, рассуждая о том, кто должен нести ответственность в случае причинения вреда «действиями» юридических лиц и искусственного интеллекта. Критикуя ранее высказываемый в науке компромиссный вариант решения проблемы — различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности, автор монографии убедительно исключает возможность признания этих лиц субъектами уголовной ответственности без предварительного признания их лицами, совершившими преступление. Однако необходимо отметить в высшей степени корректный подход, демонстрирующий уважение к альтернативным позициям, который проявился в признании теоретической возможности и иного решения этого вопроса на основе других философских теорий. При этом сам автор обозначает свою приверженность к той теории, которая представляет уголовное право как средство морального осуждения поступков, разрушающих систему ценностей, а следовательно, не допускает применение мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, не способных к свободному моральному выбору.

Характеризуя текущее состояние исследованности вопросов, связанных с субъектом преступления, В. Н. Куфлева использует термин «несимметричность», который, как представляется, очень точно характеризует достигнутую развитость учения о статусе государства как субъекта уголовного права на фоне некоторой отсталости исследований, посвященным физическим и юридическим лицам как субъектам преступления, что объясняется публичным характером отрасли.

Определяя теоретические основы учения о лицах в уголовном праве, В. Н. Куфлева в зависимости от стадии развития уголовно-правового отношения выделяет различные индивидуальные правовые статусы лица, совершившего преступление: лицо, подлежащее уголовной ответственности; лицо, признанное виновным и осужденное за преступление; лицо, судимое за преступление. Такой подход видится разумным и теоретически перспективным, но на первый взгляд оставляет впечатление некоторой незавершенности. Предложенный перечень как будто требует логического дополнения такой

категорией, как «лицо, не подлежащее уголовной ответственности». Однако содержание монографии позволяет заключить, что отсутствие этой категории в обсуждаемом перечне является не упущением, а принципиальной позицией автора, который «выносит за скобки» предмета исследования всех, кто не является субъектом преступления. Эта смысловая линия поддерживается и авторской критикой распространенной в науке позиции о том, что иные меры уголовно-правового характера представляют собой часть содержания уголовной ответственности. Для обобщенного наименования конфискации имущества и мер медицинского характера в работе ожидаемо предлагается иной термин — «меры безопасности».

Рассмотрение вопроса о правовом статусе лица, совершившего преступление, немыслим без обращения к принципам уголовного права, который становится условием легитимного уголовно-правового принуждения. Автор реалистично отмечает, что представленный обзор принципов является заведомо неполным, однако следует признать, что обозначенные в работе позиции способны существенно обогатить представление о значении принципов уголовного права для определения статуса исследуемой категории. Практическую ценность эта часть монографии несет благодаря качественному анализу позиций Конституционного Суда РФ и их преломлению к исследуемой материи. Так, принцип законности, который текстуально не обращен к лицу, совершившему преступление, в предлагаемой интерпретации наполняется гуманистическим потенциалом, непосредственно на него распространяемым.

Подход, при котором концепты «лицо», «совершение» и «преступление» как самостоятельные, но при этом взаимосвязанные категории получили автономное изучение, позволил обстоятельно и глубоко проанализировать понятие «лицо, совершившее преступление». Так, достаточно неожиданным выводом стала необходимость уточнения понятия преступного деяния, это связывается с тем, что концепт «совершение» должен охватывать и действия, которые сегодня законом рассматриваются как «направленные к совершению» и «действия, состоящие в «оказании содействия в совершении», они по своей сути являются особыми этапами самого совершения деяния. В работе эта позиция подкреплена убедительной аргументацией.

Получила глубокое осмысление проблема места и значения общественной опасности личности в понимании общественной опасности деяния в целом. Автор показывает значение субъективных признаков при определении общественной опасности деяния, которые обеспечивают содержательную связь личностных особенностей виновного и совершенного им поступка. Такое решение не вызывает ни отторжения, ни каких-либо опасений относительно возможного неразумного расширения значения субъективных признаков в структуре опасности деяния, так как в работе озвучен тезис о том, что признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, не предопределяют суждений об опасности самого преступления, что видится весьма корректным.

Обоснованно не обошел вниманием автор и непростой вопрос об общественной опасности самого лица как основания применения мер уголовной ответственности. Возможно, доминирующие в настоящее время положения теории уголовного права такую возможность и отрицают, но ряд моментов, в частности, криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии, закономерно побуждают к более обстоятельному рассуждению и принятию честных, а не только соответствующих и удобных устоявшейся теории решений. С обращением к тенденциям практики применения ст. 210¹ УК РФ автор доказывает, что уголовная ответственность по ней наступает не за статус лица как таковой, а за ряд определенных действий, без совершения которых обсуждаемое положение не признается имеющим место. Такой результат позволил заключить, что включение в УК РФ этой статьи не является реанимацией худших положений социологической школы уголовного права и не устанавливает ответственность за опасное состояние лица безотносительно совершаемых им действий.

Достаточно смелым и даже революционным можно признать предложение о «выведении» признаков субъекта преступления из разряда признаков состава преступления и наделение субъекта преступления самостоятельным статусом «условия». Логика исключения из числа признаков состава преступления тех, что функционально не предназначены для отражения опасности, а служат лишь цели ограничения круга лиц теми, кто способен нести уголовную ответственность, понятна. Однако в предлагаемом подходе усматривается несколько слабых мест. Во-первых, само по себе утверждение о том,

что признаки субъекта преступления не способны предопределять (хотя бы частично) опасность деяния, не может быть принята как безусловная истина. В качестве примера, где подобное имеет место, можно привести деяние, ответственность за которое установлена ст. 134 УК РФ. Сами по себе добровольные действия сексуального характера, совершаемые лицами, достигшими 16 лет, осознающими их значение, конечно же, неопасны. Опасность с позиции законодателя они представляют не только когда одно из лиц, принимающих участие в их совершении, не отвечает указанным признакам, а тогда, когда при этом условии другое лицо является совершеннолетним. Такое решение не может быть объяснено ничем другим, кроме как усмотрение общественной опасности в деянии, когда взрослое лицо оказывает воздействие (не обязательно вербальное, но и, например, действиями или примером своего поведения, опытом) на принятие решение другим лицом, которое по своим психофизиологическим качествам может быть не готово к вступлению в подобные отношения. Очевидно, что аналогичные действия со стороны лица, которое также не достигло необходимого возраста и в достаточной степени не осознает биологического, психологического и социального смысла половых отношений, не могут признаваться общественно опасными. Во-вторых, логическая линия исключения из числа признаков состава преступления тех, что функционально не предназначены для отражения опасности, требует продолжения в форме исключения из числа признаков состава преступления и признаков субъективной стороны на том основании, что их влияние на общественную опасность деяния не существенно и может сводиться к тому, что по этому критерию общественная опасность всех умышленных преступлений примерно одинакова, как и общественная опасность всех неосторожных преступлений. В-третьих, реализация высказанного предложения приведет к разрушению давно сложившейся и проработанной конструкции состава преступления, которая стала привычным и эффективным инструментом уголовно-правовой квалификации. А создание новой потребует длительного периода времени, в том числе, на апробацию в условиях реальной практики, где ошибки недопустимы.

В целом исследование характеризуется глубокой проработкой большого количества источников, что свидетельствует об обоснованности и авторских позиций. Монография оставляет однозначное положительное впечатление и убежденность в том, что она будет полезна и востребована как специалистами-теоретиками, так и практическими работниками. Импонирует внимание, проявленное исследователем к деталям, например, с опорой на транслируемые теоретические позиции, выявлен технико-юридический дефект уголовного закона, заключающийся в использовании термина «лицо, совершившее преступление» в нормах об основаниях освобождения от уголовной ответственности. Прослеживается и приверженность научному стилю, характерному для работ Ю. Е. Пудовочкина, выступившего научным редактором монографии — научная глубина и фундаментальность.

Категория «лицо, совершившее преступление» получила глубокое и комплексное исследование, в рамках которого центральное понятие было рассмотрено не как отдельно взятое, а в системной взаимосвязи со всеми категориями, с которыми оно связано или соприкасается. С этой позиции монографическое исследование В. Н. Куфлевой претендует на статус целостной теории, которая безусловно вносит существенный вклад в развитие теории отечественного уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования : монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Ю. Е. Пудовочкина. М. : Юрлитинформ, 2025. 352 с.